Записка Демчинскаго.

ЦГ [Демчинский. Записка]

Ц 50654

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО.

Пользуясь милостивымъ разрѣшеніемъ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА изложить письменно болѣе подробно тѣ соображенія, которыя я имѣлъ счастіе доложить ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, я спѣшу оговориться, что во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи ВЫ изволите найти только лишь искреннее, глубокое убѣжденіе преданнѣйшаго ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ слуги, убѣжденіе, чуждое всякихъ иныхъ соображеній, кромѣ искренности. Считая, что только то слово цѣнно, которое исходитъ изъ глубины души, я прошу не осудить меня за то, если что-либо въ этой запискѣ будетъ дисгармонировать съ существующимъ теченіемъ или же будетъ противорѣчить принятому курсу. Наши предки въ подобныхъ случаяхъ говорили такъ: „Позволь мнѣ, Государь, слово молвить, либо прикажи голову срубить". То же самое повторю и я: „Позволь мнѣ, Государь, высказать всю правду, и сказать ее прямо передъ лицомъ моего повелителя; а не гдѣ-то за угломъ, или прикажи мнѣ замолчать". Милостивое разрѣшеніе ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подать ВАМЪ мою записку, я осмѣлился истолковать какъ утвердительный отвѣтъ на первую половину приведеннаго выше стариннаго обращенія къ Государю Его преданныхъ слугъ.

Всякое убѣжденіе должно быть основано на какихъ-либо соображеніяхъ; въ настоящемъ случаѣ ихъ двѣ категоріи: I, Исторія послѣдняго полувѣка, и 2, Дѣйствительная потребность жизни Россіи.

Исторія послѣдняго полувѣка.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ истекшаго XIX столѣтія надъ Россіей пронеслась великая гроза - турецкая война, а затѣмъ Севастопольская кампанія. Изъ подъ стѣнъ этого города Россія ушла побѣжденной и приниженной дальнѣйшими дипломатическими актами. Это событіе, по справедливости, считалось его современниками величайшимъ бѣдствіемъ, но не такъ смотримъ на него мы, отошедшіе отъ тѣхъ временъ на полвѣка. Только такое великое потрясеніе могло обнажить всѣ наши внутренніе недуги, только оно одно могло показать всю несостоятельность тогдашней внутренней организаціи. Не боясь преувеличенія, можно сказать, что Братская могила въ Севастополѣ есть основаніе нашей гражданственности. Со времени паденія Севастополя начинается новая эра, начинается новая жизнь Россіи, совершенно и абсолютно не похожая ничѣмъ на ту, которая была до этой великой эпопеи. Если-бы миръ былъ заключенъ ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I и если-бы онъ продолжалъ и дольше царствовать, то поучительность Севастополя съ точки зрѣнія внутреннихъ распорядковъ, вѣроятно, пропала бы для насъ. Общечеловѣческое свойство таково, что всякій человѣкъ, прожившій нѣсколько десятковъ лѣтъ, стремится сохранить то, что сдѣлано имъ за эту жизнь. Но исторія, этотъ неумолимый вершитель судебъ, устраняетъ со сцены прежняго дѣятеля и притомъ въ самый тяжелый моментъ всей компаніи и ставитъ на его мѣсто ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, человѣка съ мягкимъ, добрымъ сердцемъ и съ душою рыцаря. Этотъ новый властелинъ,

скрѣпя сердце, сказалъ роковое слово: „мы побѣждены", хотя, видимо, про себя прибавилъ:„но мы побѣдимъ"; такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ думать по всему послѣдующему за Крымской кампаніей.

Тотчасъ по вступленіи на престолъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II начинается цѣлый рядъ реформъ, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности могла бы въ достаточной мѣрѣ прославить отдѣльное царствованіе. Все величіе этихъ реформъ заключается въ томъ, что во всѣхъ нихъ безъ исключенія проводится одна и та же мысль - привлеченіе общества на помощь правителю. Какъ ни разнятся съ перваго взгляда такія реформы, какъ освобожденіе крестьянъ отъ судебной реформы, или судебная отъ земства,но всѣ онѣ связаны однимъ цементомъ, одною великою мыслью - участіемъ общественной иниціативы въ дѣлѣ Управленія Государствомъ. Въ этой одной мысли весь секретъ величія реформъ АЛЕКСАНДРА II. Въ то тяжелое и безпорядочное съ точки зрѣнія внутреннихъ распорядковъ время, можно было испечь десятки, сотни реформъ, и всѣ онѣ были бы для того времени хороши, но онѣ не были бы исторически велики потому, что теперь мы бы о нихъ уже не знали ничего,развѣ только по учебникамъ. Только такія реформы, которыя одухотворены мыслью и внушены сердцемъ, переживутъ и насъ и нашихъ потомковъ. Ни страшная воля ПЕТРА I или НИКОЛАЯ, и никакая сила штыковъ уже не вернутъ Россію къ крѣпостному праву, такъ же точно, какъ никогда уже впредь общественный судъ не будетъ замѣненъ единоличнымъ судьей, или земство - приказомъ общественнаго призрѣнія. Эта канва вѣчна и дальнѣйшіе узоры могутъ быть вышиваемы только по этой канвѣ. Таково отличіе реформъ духа отъ реформъ внѣшнихъ условностей.

Въ царствованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II были попытки реформировать и другія стороны общественной жизни, но такъ какъ въ основаніе ихъ не было положено начало общественности, то онѣ отцвѣли такъ скоро, какъ и народились, или же, что еще хуже, породили ту смуту, изъ которой и по сіе время мы не можемъ выбраться. Въ числѣ послѣднихъ слѣдуетъ подчеркнуть одну особенно рѣзко выдвинувшуюся, въ которой ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II пошелъ почти единоличной Своей волей противъ инстинкта всего общества, противъ всей Россіи, подписавши свое имя въ журналѣ Государственнаго Совѣта подъ именемъ министра народнаго просвѣщенія Графа Толстого. Нужно ли говорить о тѣхъ печальныхъ послѣдствіяхъ, которыя получились отъ этого смѣлаго шага. Никакіе нигилизмы, соціализмы и прочіе измы вмѣстѣ взятые, не причинили бы Россіи столько вреда, какъ Катковъ и Толстой; вотъ уже слишкомъ тридцать лѣтъ мы пожинаемъ посѣянное ими и не можемъ отдѣлаться отъ отравленія всего общества десятками тысячъ недоучекъ, выброшенныхъ бездушной, чисто формальной школой за бортъ житейскаго корабля. Эта школа убила всякіе зачатки воли и способности работы и труда, научивъ юношу съ малыхъ лѣтъ относится къ дѣлу лишь формально. Результатъ на лицо: тысячи чиновниковъ, способныхъ отслуживать отъ такого то до такого то часа на стулѣ, еще большее число ищущихъ такого же занятія, хотя на 30 рублей въ мѣсяцъ, но нигдѣ нѣтъ личной иниціативы, этого главнаго фактора народнаго богатства. Чѣмъ богата Америка. Только личной иниціативой своихъ согражданъ, крѣпкихъ духомъ и тѣломъ и потому способныхъ работать за свой счетъ, страхъ и рискъ....А у насъ. Вся интеллигентная Россія прячется за 20-ое число, а кто не успѣлъ за него укрыться, тотъ нищенствуетъ, либо обивая пороги всякихъ канцелярій, прося мѣста, либо не

выходитъ изъ пріемныхъ земельныхъ банковъ, умоляя объ отсрочкахъ и всякихъ льготахъ. Наслѣдіе Толстовской школы - загубленное поколѣніе, безъ всякой воли, лишенное способности труда, лишенное личной иниціативы и, что всего прискорбнѣе, - безъ всякихъ правилъ въ жизни. Формализмъ и только внѣшній бездушный формализмъ. Эти гибельныя послѣдствія учебной реформы еще разъ иллюстрируютъ то, что тамъ, гдѣ общество устранено отъ участія, ничего хорошаго получиться не можетъ, а какое-же участіе могло оно принять въ долбежкѣ латыни и греческаго. Вмѣсто помощи родители поносили школу, въ большинствѣ случаевъ при дѣтяхъ; вмѣсто того чтобы внушать юношамъ о необходимости и пользѣ пріобрѣтаемыхъ въ гимназіи познаній, имъ преподается самими отцами совѣтъ, только бы сдать экзаменъ да получить аттестатъ, сокрушаясь тутъ же о томъ, что бѣднаго мальчика умышленно забиваютъ и притупляютъ во имя какой-то фикціи, во имя идеи чисто полицейской. Результатъ такой воспитательной системы слѣдовало предвидѣть: получилась борьба интересовъ государственныхъ и общественныхъ, борьба не открытая, а глухая, затаенная и тѣмъ болѣе опасная. Всякая неудача интересовъ правительственныхъ стала пріятна обществу, потиравшему руки отъ тайной радости. Въ концѣ концовъ дѣло дошло до того, что стали теряться понятія о добрѣ и злѣ, о честномъ и подломъ, - то же самое, что и во всякой борьбѣ. Какъ далеко зашла эта борьба, иллюстрируетъ разсказъ одного изъ директоровъ Московскихъ гимназій. Служатъ панихиду по министрѣ Боголѣповѣ; одинъ изъ мальчугановъ все время разговариваетъ и улыбается. Послѣ панихиды директоръ вызываетъ его и спрашиваетъ, почему онъ не молился, а смѣялся. Мальчуганъ отвѣчаетъ: "о чемъ же сокрушаться. Папа вчера говорилъ: Слава Богу что его убили".

Вотъ зрѣлые фрукты розни Государства и общества, розни происходящей отъ глухой скрытой борьбы. Во имя ея оправдывается убійство, и на этихъ принципахъ воспитывается юношество. Гдѣ же тутъ искать понятія о добродѣтеляхъ. Что ожидать въ будущемъ отъ этого мальчугана.

ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО. Здѣсь настало время еще разъ повторить смиренное обращеніе къ Царю: Прикажи мнѣ, Государь, говорить только правду, одну правду, или прикажи мнѣ голову срубить. Клянусь Вамъ, Государь, клянусь всѣмъ счастіемъ дѣтей моихъ, что я скажу только правду, если буду утверждать, что изъ 1000 интеллигентовъ много много 50 перекрестили лобъ, когда узнали о смерти Боголѣпова, а остальные повторили то же, что и отецъ этого гимназиста. Повторили они эту фразу не потому, чтобы имѣли что нибудь противъ покойнаго Боголѣпова; нѣтъ, они его совсѣмъ и не знали; но онъ былъ носитель все той же ненавистной идеи, такъ сказать, предводитель противнаго лагеря. Ужасъ охватываетъ при мысли о томъ, что мы живемъ среди такой обстановки, когда послѣ убійства служатъ благодарственные молебны вмѣсто панихидъ, когда рознь между Правительствомъ и обществомъ дошла до такихъ размѣровъ, что несчастье ближняго становится предметомъ общей радости, если этотъ ближній принадлежитъ къ противному лагерю. Если вникнуть поближе въ эту обстановку, да не бояться заглянуть правдѣ прямо въ глаза, то положеніе дѣлъ представится таковымъ: Правительство само по себѣ, - общество само по себѣ; второе время отъ время нападаетъ исподтишка, а первое находится постоянно въ оборонительномъ положеніи, имѣя разсыпанную впереди цѣпь въ видѣ урядниковъ, жандармовъ и даже, по словамъ самого покойнаго Толстого - латинскій и греческій языки. Въ центрѣ сгрупированы Министерства, а въ резервѣ вся армія. Положеніе вполнѣ

боевое, вмѣсто нормальнаго развитія государственной жизни на почвѣ общихъ интересовъ мирнаго прогресса всѣхъ богатствъ страны.

Само собою очевидно, что не слѣдуетъ толковать нашихъ словъ такъ, будто бы всѣ эти ужасы вызваны латинскимъ и греческимъ языкомъ;пусть преподаютъ въ школѣ еще и санскритскій или арабскій языкъ, отъ этого бѣды никакой не будетъ; вся суть дѣла въ системѣ, въ циничной откровенности, что школа должна служить полицейскимъ орудіемъ для регулированія мозговъ, независимо отъ того, насколько полезны или необходимы предметы; вотъ противъ то этой идеи и возстало общество съ самаго начала, и если теперь говорятъ много о древнихъ языкахъ, то это просто потому, что ненависть къ школѣ переносится на преподаваемые предметы, такъ же точно какъ и сладость боевой побѣды переносится съ системы на ни въ чемъ неповинное лицо. Къ тому же слѣдуетъ добавить,что въ теченіи 40 лѣтъ со времени великихъ реформъ постоянно что либо да отрѣзывается отъ нихъ; каждый новый министръ, а ихъ въ теченіи 40 лѣтъ смѣнилось много, считалъ своимъ долгомъ, что либо отнять изъ тѣхъ правъ, которыя были дарованы обществу. Всякій такой уколъ прибавлялъ лишнее раздраженіе, выросшее въ концѣ концовъ въ описанное выше боевое положеніе.

Правда реформы АЛЕКСАНДРА II слѣдовали одна за другою нѣсколько поспѣшно, что несомнѣнно должно было отразиться на несовершенствѣ писанныхъ уставовъ, каковые и слѣдовало впослѣдствіи дополнить по мѣрѣ выясненія редакціонныхъ недочетовъ. То ли мы видимъ въ дѣйствительности. Вмѣсто дополненія и развитія основной мысли, мы видимъ полный ходъ назадъ рѣшительно во всѣхъ реформахъ, т.е. и въ крестьянской, и въ судебной, и главнымъ образомъ, въ земской. Очевидно, общество, привыкшее уже къ началамъ общественности, не могло оставаться равнодушнымъ, а съ другой стороны, воспитанное на началахъ преданности Престолу и Царю - не вступило и не вступитъ въ открытую борьбу; въ результатѣ получился полный общественный индеферентизмъ. Вся тягость хозяйственнаго управленія обширнѣйшей въ мірѣ страны ложится тяжелымъ бременемъ на Правительство, которому теперь приходится думать и распоряжаться: начальной школой и университетомъ, земскимъ начальникомъ и сельскимъ старостой, больной коровой и арестнымъ домомъ, орошеніемъ Саратовской губ. и осушеніемъ Новгородской, кормленіемъ неимущаго и переселеніемъ малоземельнаго, починкой проѣзднихъ дорогъ и открытіемъ въ подходящемъ мѣстѣ кабака и т.д. и т.д.. Ко всѣмъ этимъ житейскимъ мелочамъ слѣдуетъ прибавить главныя функціи Государственнаго Управленія - охраненіе мира, внутренняго и внѣшняго и въ концѣ концовъ получается бремя, непосильное никакому Правительству въ мірѣ, бремя сверхъ всякихъ человѣческихъ силъ.

Таковъ историческій ходъ внутреннихъ реформъ за послѣдніе полвѣка со всѣми его послѣдствіями. Была попытка со стороны ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, въ концѣ Его Царствованія, сдѣлать и еще одинъ рѣшительный шагъ |говорю это со словъ народной молвы|: дать Конституцію Россіи, но та же исторія, не терпящая противорѣчія себѣ, наканунѣ этого шага отстраняетъ изъ Россіи ударъ и не даетъ совершиться этой пагубной и непоправимой ошибкѣ. Шагъ этотъ былъ смѣлый, но не вѣрный; онъ завелъ бы насъ въ невылазныя дебри, и, вѣроятнѣе всего, погубилъ-бы Россію, какъ единое могучее государство.

Если въ А в с т р і и, - въ странѣ значительно болѣе старой |гражданственно|, чѣмъ Россія, въ странѣ, въ которой борются всего лишь двѣ

арміи - нѣмцы и славяне, въ парламентъ ходятъ съ арапниками и револьверами, то что же было-бы у насъ. Исторія, очевидно, распоряжается умнѣе или по крайней мѣрѣ цѣлесообразнѣе насъ; она сама разлагаетъ то, что гнило и поддерживаетъ жизнь цѣлаго, если это цѣлое еще крѣпко и здорово. Только тотъ, кто вѣритъ всѣми силами своей души въ величіе Россіи, кто преданъ ей безъ страха за ея благополучіе, кто любитъ ее выше своего благоденствія, словомъ, кто, по словамъ Св. Писанія, „душу свою предастъ за ню", только тотъ пойметъ торжественную поступь исторіи и увидитъ въ трагической кончинѣ самаго либеральнѣйшаго изъ Монарховъ, неумолимый рокъ, отрѣзавшій, такъ сказать, ту руку, которая готова была подписать смертный приговоръ Россіи. Россія должна быть Монархіей и притомъ Монархіей абсолютной. Если когда нибудь и придется говорить о Конституціи, то развѣ только тогда, когда полякъ и татаринъ, финнъ и грузинъ, чувашъ и потомокъ древняго Рима, все сольется воедино, съ единымъ духомъ и единымъ помысломъ, когда все это будетъ носить одно имя - Русскій. А до того времени всѣ духовныя силы Русскихъ Монарховъ должны быть направлены на дѣло ихъ Великихъ Предковъ „Собрать Русь" и конечно не въ смыслѣ географическихъ границъ, а въ смыслѣ духовнаго объединенія всѣхъ разрозненныхъ элементовъ, входящихъ въ ея теперешній .остовъ. Эта задача такъ велика и сложна, что если-бы въ каждыя четверть вѣка мы приближались всего лишь на одну букву къ полному слову „Конституція",- то въ царствованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II мы въ правѣ были-бы написать развѣ только одно „К".

И такъ, въ теченіи первой половины разсматриваемаго полувѣка, выяснились слѣдующіе, весьма существенные моменты въ жизни Россіи:
1| Севастополь вскрылъ, съ безпощадностью ножа хирурга, всѣ раны нашего внутренняго устройства. Нужно было начать правильное леченіе.
2| Діагнозъ болѣзни показалъ, что устройство Государственнаго Управленія на началахъ "единоличія власти" всей длинной чиновной лѣстницы есть причина болѣзни. Послѣдующія Сенаторскія Ревизіи подтвердили этотъ діагнозъ и показали воочію, что въ Россіи столько самодержавцевъ, сколько чиновниковъ-помѣщиковъ, даже съ правомъ жизни и смерти, что каждый Губернаторъ распоряжался губерніей „по полной своей волюшкѣ" и что губернія давалась Губернатору, какъ и полкъ командиру „на кормленіе", какъ прежнимъ воеводамъ [напр. Ревизія Пензенской губерніи].
3| Правильно поставленный діагнозъ, вызвалъ и правильно назначенное леченіе - уничтоженіе „единоличія власти" на нижнихъ и среднихъ ступеняхъ лѣстницы и призваніе общества въ качествѣ сотрудника въ трудномъ дѣлѣ мѣстнаго управленія. Все это совершилось въ высшей степени логично и послѣдовательно, хотя, можетъ быть для такой крупной ломки нѣсколько и поспѣшно.

Но какъ бы то ни было, вся Россія была призвана къ новой жизни, жизни свободной и жизни общественной, и она пошла въ ростъ съ изумительной быстротой, освоившись со своимъ новымъ положеніемъ. Сразу раздался костякъ и выросли мускулы. Въ этой внутренней работѣ забыто и недавнее пораженіе, все и вся понесло свои силы на пользу единой, дорогой родинѣ. Я счастливъ тѣмъ, что хотя юношей, но пережилъ эту эпоху и былъ свидѣтелемъ колоссальнаго подъема духа и силъ общественныхъ. Не прошло и десятка лѣтъ, какъ прежній больной не только окрѣпъ, но и выросъ втрое противъ прежняго. Вмѣстѣ съ силой физической поднялись и силы моральныя, и у этого великана стали появляться такія тонкія чувства, какъ самолюбіе. Чувство это стало подсказывать намъ, что

творится что-то неладное въ нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, которыя были основаны главнымъ образомъ на чувствѣ родства, хотя бы и въ десятомъ колѣнѣ. Прежде чѣмъ предпринять что либо справлялись по родословной книгѣ и уже затѣмъ писалась нота въ томъ или иномъ видѣ. Самымъ рѣзкимъ примѣромъ подобныхъ отношеній былъ 1870 годъ, когда мы не остановили тетушки Германіи у Седана, не смотря на самыя торжественныя обѣщанія, что она ведетъ войну не съ Франціей, а съ Наполеономъ. Изъ тетушки стала вдругъ |въ Версалѣ| имперія, которая причиняетъ и причинитъ намъ еще много хлопотъ. Эта самая тетушка, которую мы сами выдумали, не далѣе какъ черезъ шесть-семь лѣтъ послѣ своего новаго наименованія не замедлила отблагодарить насъ достойнымъ образомъ, пригласивъ насъ изъ подъ стѣнъ Константинополя въ Берлинъ на конгрессъ.

Очевидно, Господь Богъ не даетъ одному человѣку всѣхъ талантовъ, - Гигантъ-реформаторъ у себя дома, оказывается слабымъ политикомъ. Проникли-ли эти обиды глубоко въ душу современниковъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II, или все увеличивающееся сознаніе своей силы въ лицѣ главныхъ дѣятелей Россіи, но на смѣну АЛЕКСАНДРА II является крупнѣйшая историческая фигура ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III съ непреклонною волею, съ вполнѣ опредѣленными стремленіями, человѣкъ, про котораго, пародируя французскую поговорку, можно сказать: „Онъ былъ болѣе Русскимъ, чѣмъ Русскій человѣкъ". Все его царствованіе можно охарактеризовать 3-мя словами: „Россія для Россіи". Не знаю насколько вѣрно, но существуютъ 2 симпатичнѣйшихъ разсказа изъ жизни ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, которые я позволю себѣ привести здѣсь, такъ какъ они рисуютъ эту величественную фигуру во весь ростъ. Если эти разсказы народной молвы и не вѣрны, то все же они очень цѣнны для насъ, такъ какъ указываютъ на то, какимъ человѣкомъ представлялся русскому обществу его Повелитель.

1| Получается откуда-то какой-то ультиматумъ съ выраженными въ довольно грубой формѣ требованіями. Министръ иностранныхъ дѣлъ поспѣшно является внѣ очереди съ докладомъ. „Что дѣлать?... Отвѣтьте, говоритъ покойно Государь, что требованіе изложено въ такой формѣ, что Вы не рѣшаетесь ихъ мнѣ доложить." И ультиматумъ канулъ въ вѣчность.

2| ИМПЕРАТОРЪ отдыхаетъ въ Шхерахъ и, какъ говорятъ, не любилъ, чтобы кто нибудь нарушалъ его отдыхъ. Но вотъ является Министръ Гирсъ. Что хорошаго?... Спѣшное дѣло, Европа волнуется....намъ пишутъ. Напишите имъ, что когда Русскій Царь ловитъ рыбу, Европа можетъ подождать.

Какая страшная мощь въ этихъ разсказахъ, какое непоколебимое сознаніе своей силы, своего положенія, сознанія силы той страны, на которую опирается это величіе. Пусть эти разсказы будутъ выдуманными, ихъ цѣна еще болѣе возрастетъ, такъ какъ и въ этомъ случаѣ они превращаютъ лицо реальное въ мифическое, а самый разсказъ въ народный эпосъ. Значитъ такимъ колоссомъ рисовался Онъ народному воображенію. „Когда Русскій Царь ловитъ рыбу, Европа можетъ подождать" и она ждала. Вотъ что такое Русскій Царь, вотъ та собирательная сила, суммированная изъ частицъ души каждаго изъ насъ, вотъ та высшая, чистѣйшая идея, кристализованная изъ русской мощи, русскаго величія, самаго лучшаго чувства русскаго сердца, вотъ онъ Русскій Царь.

Нужно ли что нибудь добавлять къ этому величію. Очевидно жизнь Имперіи потекла такъ, какъ и слѣдовало ожидать. Все Русское гордо подняло голову, и недавнія тетушки, какъ то неожиданно, превратились въ заискивающія племянницы, ожидающія изъ Петербурга, когда Царь вернется изъ Шхеръ. Вся внѣшняя политика ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III вылилась вполнѣ въ знаменитомъ Петербургскомъ тостѣ: „Пью здоровье единствен-

наго моего друга Князя Николая Черногорскаго". Въ этихъ немногихъ словахъ сокрытъ глубочайшій философскій смыслъ, - суть всѣхъ политическихъ отношеній, въ которыхъ всякій стремится урвать себѣ, что плохо лежитъ въ чужемъ карманѣ, прикрывшись для этого турецкой шалью старой тетушки, или затянутымъ корсетомъ юной племянницы или, наконецъ, вооружившись пламенными объятіями искренняго друга. Все хорошо лишь бы запустить руку въ карманъ сосѣда. А мы то простаки все столѣтіе вѣрили въ дружбу и въ родство; все столѣтіе таскали своими руками каштаны изъ огня, то спасая Европу отъ Антихриста Наполеона, то выручая Австрійскую Корону отъ нападка Венгровъ, то помогая сосѣду развиться въ Имперію, и получить на первые расходы на изготовленіе новой короны - пять милліардовъ. Но наконецъ то исторія дала намъ твердую руку и крѣпкую волю, которая не побоялась сказать громко, что все это бредни, что всѣ эти лобзанія только затѣмъ расточаются, чтобъ на другой же день продать лобзаемаго за тридцать серебренниковъ. Эта же историческая воля продиктовала намъ серьезный урокъ; она указала на то, что только общность интересовъ, а не сантименты могутъ связывать націи. Видя эту общность интересовъ по ту сторону новой Имперіи, на берегахъ Сены, ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III не зоветъ, а милостиво разрѣшаетъ эскадрѣ жерве прибыть въ Кронштадтъ. Ворота открыты и въ нихъ хлынуло широкой рѣкой народное чувство. И этотъ широкій потокъ есть еще одно подтвержденіе твердости всего,что основано на единеніи Правительства и Общества. Россія давно отдавала всѣ свои симпатіи Франціи. и какъ усиленно ни соблазняли родствомъ сосѣдки, Русское Общество всегда недружелюбно относилось къ ближайшей сосѣдкѣ. Когда былъ произнесенъ Петергофскій тостъ, я живо помню тревожное впечатленіе, которое онъ произвелъ во всѣхъ уголкахъ Россіи: казалось, что мы наканунѣ войны, думалось, что эти слова встревожатъ весь Европейскій курятникъ. Но, очевидно, Тотъ кто говорилъ ихъ, передумалъ и перестрадалъ каждый звукъ своей рѣчи и обсудилъ все это лучше насъ всѣхъ. Въ этой мысли, въ этомъ чувствѣ и лежитъ граница великаго отъ ничтожнаго, мощнаго отъ жалкаго. Курятникъ дѣйствительно всполошился, но только не такъ, какъ думали; вмѣсто неудовольствъ и угрозъ, со всѣхъ сторонъ потянулись пальцы, указывающія: „Вотъ, гдѣ Россія", которую ранѣе того знали только по географической картѣ.

Все Царствованіе ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III было посвящено одной идеѣ: укрѣпленіе силы и мощи Россіи, въ которую онъ первый вѣрилъ всѣми силами своей души. И вотъ за какой нибудь десятокъ лѣтъ, Россія понемногу перебирается изъ заднихъ рядовъ Берлинскаго Конгреса въ первые ряды, а затѣмъ на пульт первой скрипки Европейскаго концерта, завладѣвая наконецъ и дирижерской палочкой. Бывая по своимъ дѣламъ часто за границею, я съ чувствомъ полнаго удовлетворенія читалъ газеты, въ особенности, когда на политическомъ горизонтѣ набѣгала какая нибудь тучка. Читаешь бывало: Англія - сказала то-то. Германія высказалась такъ-то, но....Россія еще не сказала своего слова. И въ этой фразѣ ясно видно, что все то, что сказали уже - почти ничто, всѣ ждутъ что-то скажетъ Петербургъ.

Вотъ то величіе духа, которое далъ Россіи ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪIII, и ужъ конечно, не „Миротворца" заслужилъ этотъ великій Русскій человѣкъ. Какой-то фальшивой нотой звучитъ въ моемъ ухѣ этотъ титулъ.

Будто бы АЛЕКСАНДРЪ III постоянно искалъ мира, это неправда. Изъ того, что онъ, можетъ быть, имѣлъ отвращеніе къ войнѣ и всю свою силу направлялъ на сохраненіе мира, еще далеко не слѣдуетъ, чтобы онъ

искалъ мира. Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ. Я готовъ положить свою голову на плаху за то, что этотъ Государь не позволилъ бы никому наступить себѣ на носокъ, а если бы кто либо и осмѣлился это сдѣлать, то онъ, хотя бы цѣною десятковъ тысячъ жизней, съумѣлъ бы заставить уважать свое Русское „Я". Въ этомъ былъ увѣренъ весь міръ, который и далъ дорогу Гиганту къ дирижерской палочкѣ. Нѣтъ, не „Миротворецъ" Онъ, а „Духотворецъ". Онъ и только Онъ одинъ создалъ и сдѣлалъ всѣмъ понятнымъ Русское самолюбіе, Русскую мощь, Русское національное величіе. Миръ Праху Твоему, Великій Творецъ духовныхъ силъ Россіи.

И такъ, краткій историческій очеркъ почти полувѣковой жизни Россіи конченъ. Очеркъ дѣйствительно кратокъ и даже очень, но размѣръ настоящей записки не позволяетъ распространить ее не смотря однако на эту краткость, мнѣ хочется вѣрить что я, хотя нѣсколько, совладалъ съ своей задачей высказать правильно, искренно мой символъ вѣры, высказать то, что можно чувствовать, но чего никогда бы я не повторилъ ни въ какой частной, хотя бы и дружеской бесѣдѣ.

Передъ Тобою, Великій Государь, всѣ мои помыслы, всѣ мои святыя чувства вѣры въ будущность Россіи, въ ея величіе, въ ея историческое развитіе. Суди ихъ, Государь, по всей Твоей Царской волѣ.

Какіе же результаты прошедшихъ двухъ царствованій. Что дали они Россіи реальнаго и какой нравственный урокъ преподалъ намъ истекшій полувѣкъ. Какое наслѣдіе досталось ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Оба предшествующія царствованія можно и даже слѣдуетъ разсматривать какъ одно, ибо каждый изъ двухъ великихъ Монарховъ логически дополнялъ другого. Вся мудрая политика ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III, не могла бы найти себѣ примѣненія, еслибъ напримѣръ, Онъ вступилъ на престолъ тотчасъ вслѣдъ за ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ I. Нельзя было бы поставить свою мощь, когда весь организмъ былъ боленъ. Потому то я и сказалъ, что Царствованія двухъ послѣднихъ Государей логически связаны между собою и потому составляютъ какъ бы одно цѣлое. Это одно цѣлое и воспитало такую мощную силу, какъ Россія, силу, равной которой нѣтъ во всемъ мірѣ. Въ настоящій моментъ только одна Россія могла бы буквально запереть свою границу и могучій ея ростъ продолжался бы по прежнему быстро, скажу въ скобкахъ, вѣроятнѣе всего и разбогатѣла бы гораздо быстрѣе, чѣмъ при современномъ международномъ обмѣнѣ, каковой обмѣнъ при настоящемъ положеніи вещей скорѣе для насъ разорителенъ, чѣмъ полезенъ. Результаты двухъ царствованій, - совершенно невѣроятный ростъ, и физическій и духовный: населеніе болѣе чѣмъ удвоилось, государственный бюджетъ возросъ съ 350 милліоновъ почти до 2 милліардовъ, - число учебныхъ заведеній возросло въ такой степени, что теперь высшихъ школъ стало больше, чѣмъ въ началѣ разсматриваемой эпохи было гимназій, и число низшихъ школъ считается десятками тысячъ, но не смотря на такое приращеніе учебныхъ заведеній ихъ все таки мало, и стѣны ихъ не могутъ вмѣстить въ себѣ половины желающихъ учиться. Насколько у насъ мало низшихъ школъ, показываетъ сравненіе съ Прибалтійскими губерніями. Послѣднія дали въ 1899 году всего 2 неграмотныхъ новобранцевъ, а Харьковскій Округъ 87 %. Изъ этого слѣдуетъ, что приращеніе школъ отстаетъ сравнительно съ приращеніемъ населенія.

Указанный ростъ всего организма Россіи сдѣлалъ то, что теперь этому гиганту тѣсно въ своей избѣ, которая выстроена 40 лѣтъ назадъ, и вотъ онъ начинаетъ понемногу выпирать локтями стѣны, а затылкомъ упереся въ потолокъ. Всякій добрый хозяинъ, по мѣрѣ увеличенія своей семьи, все прибавляетъ и прибавляетъ разныя пристроечки для подрастающаго

поколѣнія. Казалось бы, тоже слѣдовало бы дѣлать и Государству. Къ сожалѣнію обзоръ предъидущихъ 40 лѣтъ убѣждаетъ насъ въ противномъ. Вмѣсто того чтобы расширить избу, мы урѣзали отъ нея всякіе уголки, дѣлая пристройки не снаружи, а во внутрь, сажая въ эти пристройки чуть ли не по тысячѣ новыхъ чиновниковъ каждый годъ, урѣзывая тѣмъ самымъ то великое начало, которое было положено въ основу всѣхъ реформъ, то есть, начало общественности. Это урѣзываніе легло тяжелымъ бременемъ на Правительство, принудивъ его взять на себя такія заботы, которыя должно было бы нести общество. что въ свою очередь, вздуло совершенно ненормально нашъ бюджетъ. Увеличеніе бюджета повлекло Государство совсѣмъ въ другую сторону; нужно подумать и очень подумать, откуда достать такую сумму денегъ, и вотъ Государство мало по малу начинаетъ сворачивать съ прямой своей дороги, и къ роли Правительства начинаетъ понемногу примѣшиваться купецъ или, еще того хуже, мелочной торговецъ.

Еще „Великій старецъ" Гладстонъ высказалъ, какъ руководящее начало Государственнаго Управленія:

|переводъ: дѣло Правительства управлять, а не торговать|. Съ этимъ положеніемъ нельзя не согласиться, ибо при столкновеніи въ одномъ лицѣ судьи и подсудимаго, конечно страдаетъ Государственная нравственность. Почти каждый день мы видимъ такія столкновенія, напримѣръ: Правительство издаетъ постановленіе объ обложеніи зданій или заведеній, ну хотя-бы въ пользу земства, и завтра же оно же издаетъ постановленіе объ изъятіи отъ этаго обложенія цѣлаго ряда казенныхъ зданій на желѣзныхъ дорогахъ. Или еще примѣръ: Прежде открытіе кабака было право сельскаго общества, и если оно разрѣшало открыть у себя кабакъ, то получало за это извѣстную сумму денегъ, смотря по бойкости мѣста; но вотъ пришелъ „Самъ" и конечно издалъ подходящій циркуляръ, въ силу котораго за право открытія кабака, конечно, ужъ ничего не платитъ.

Вотъ въ какія сдѣлки съ самимъ собою должно входить Правительство, чтобы изловить лишній рубль на удовлетвореніе непомѣрно раздутой арміи чиновниковъ. А въ настоящее время дохнуть нельзя безъ чиновника. Только одинъ актъ въ жизни русскаго гражданина можетъ обойтись безъ чиновника: благосклонно разрѣшается родиться на свѣтъ безъ испрошенія на то разрѣшенія, но быть похороненнымъ - уже нужно получить разрѣшеніе. Въ Университетъ и въ кассѣ ссудъ, въ Министерствѣ и въ кабакѣ, всюду сидитъ чиновникъ. Такая обширная опека надъ 150 милліоннымъ населеніемъ не по плечу никакому Правительству и оно волей и неволей вовлекается въ мелочную торговлю, конкурируя съ Разуваевыми и Колупаевыми, что, казалось бы, слѣдовало бы избѣгать всѣми средствами во имя высшаго принципа, во имя Государственной нравственности, которая должна быть примѣромъ для всѣхъ согражданъ. Вотъ эти-то понятія о добрѣ и злѣ, о нравственности и безнравственности, и отходятъ понемногу въ область преданій, оставляя нашимъ дѣтямъ горькій осадокъ современнаго мутнаго раствора съ зловѣщей надписью: „все хорошо, что даетъ деньги". И такъ, вотъ въ краткихъ чертахъ наслѣдіе прошлыхъ Царствованій.

1| Развившійся до огромныхъ предѣловъ живой организмъ и при томъ одаренный такими тонкими чувствами, какъ самолюбіе, сознаніе своей мощи и силы.

2| Непомѣрно широко развитая Правительственная опека надъ жизнью всего этого колоса и надъ отправленіями каждаго отдѣльнаго его члена.

3| Вслѣдствіе принятыхъ на себя Правительствомъ непосильныхъ заботъ, непомѣрно вздутый бюджетъ и вслѣдствіе этого погоня за всякимъ

лишнимъ рублемъ, какою бы цѣною ни получить его.

4| Постоянно расширяющаяся опека Правительства все больше и больше лишаетъ общество личной инициативы, личной предпріимчивости, сводя всѣ функціи дѣятельности гражданина къ мирному сожительству съ урядникомъ, въ рукахъ котораго нашъ духовный покой, и умѣнію выпрашивать у Правительства все новыя и новыя подачки, отъ которыхъ всецѣло зависитъ наше матеріальное благополучіе.

При такомъ положеніи вещей, поневолѣ локти и колѣна гиганта начинаютъ выпирать стѣны, а головой онъ мало помалу проламываетъ потолокъ. Каждый такой проломъ истолковывается подходящими сферами какъ бунтъ, какъ протестъ противъ существующаго порядка. Это совершенная напраслина. Нужно удивляться неумѣнью истолковать самое простое физическое явленіе. Если въ пустое ядро налить воды и заморозить ее, то она разорветъ ядро. Неужели въ этомъ фактѣ можно воду обвинять въ крамолѣ. Организмъ общественный та же вода, чѣмъ больше мы его замораживаемъ, тѣмъ больше вѣроятія на взрывъ. Къ сожалѣнію, нужно признать, что Наполеонъ I былъ не только геніальнымъ военачальникомъ, но и пророкомъ; при бѣгломъ знакомствѣ съ Россіей онъ сказалъ еще сто лѣтъ назадъ, что революція въ Россіи никогда не пойдетъ снизу, а ее сдѣлаетъ мундиръ. Къ осуществленію этого пророчества мы двигаемся самыми вѣрными шагами; я даже слышалъ недавно рѣчь одного Русскаго [?] профессора, который утверждаетъ, что революція въ Россіи уже началась 1½ года назадъ; другой профессоръ, въ лентѣ Бѣлаго Орла, читаетъ лекціи своимъ слушателямъ, что самый совершенный образъ правленія - конституціонный; третій, столь же заслуженный наставникъ, поучаетъ съ высоты каѳедры, что Россія имѣетъ золотую монету низкой пробы, за что частныхъ лицъ ссылаютъ въ каторгу, называя ихъ фальшивыми монетчиками. А мы, гдѣ то тамъ въ Полтавской губерніи, ищемъ крамолу. И все больше и больше замораживаемъ воду въ ядрѣ.

Крамола эта тотъ вздоръ, который выдуманъ для оправданія себя фабрикантами общественнаго льда. Если подъ словомъ „крамольникъ" разумѣть недовольнаго, то я подъ звонъ колоколовъ пойду къ присягѣ, что въ Россіи изъ 150 милліоновъ, 50 милліоновъ крамольниковъ, 100 милліоновъ безразлично апатичныхъ и ни одного довольнаго. Если же крамолой считать тайный подговоръ на совершеніе государственнаго преступленія, то такая крамола не есть только принадлежность нашего времени, а присуща всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ. Заговоръ Наклонитова, исторія ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I-го, покушеніе въ Парижѣ противъ освободителя Европы ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го, Декабристы, убіеніе Карно, Клевленда и т.д. вплоть до нашихъ дней. Все это показываетъ, что дѣйствительная крамола не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительною жизнью. Чѣмъ, напримѣръ, можетъ быть объяснено покушеніе на ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II чуть ли не на другой день послѣ освобожденія крестьянъ. Здѣсь мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ фанатиками какой то идеи, которыхъ, какъ и всякихъ фанатиковъ, не разубѣдитъ въ ихъ упорствѣ никакая жизнь. Говорить же о крамолѣ общественной Россіи - это значитъ совсѣмъ не знать своей родины.

Отличный признакъ недовольства Русскаго Общества сравнительно съ Западно-Европейскимъ заключается въ томъ, что всѣ помыслы, всѣ взоры русскихъ людей устремлены къ своему Монарху. Отъ него они ждутъ своего избавленія отъ страшной тѣсноты и духоты, въ которой приходится жить теперь, къ Нему обращены всѣ пламенныя мольбы о расширеніи теперь уже тѣсной избы, выстроенной ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЬКСАНДРОМЪ II-мъ, въ Немъ они видятъ защиту отъ опекающаго ихъ чиновника.

Именно теперь самое благопріятное время начать перестройку русской избы. Слѣдуетъ твердо помнить историческій законъ, прекрасно формулированный знаменитымъ Боклемъ: „что одно поколѣніе проситъ, то другое поколѣніе требуетъ какъ права". Опасно, очень опасно выжидать того времени, когда мольба перейдетъ въ требованіе, а потому нужно пользоваться моментомъ и на мольбу отвѣтить милостью.

Соображая все,что сказано въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ, не трудно вывести и заключеніе. Я осмѣлился лично доложить ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, что не нужно быть пророкомъ, что-бы предсказать, что ЦАРСТВОВАНІЕ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА должно быть, и несомнѣнно будетъ, Царствованіемъ великихъ реформъ. Въ нихъ теперь настоятельная необходимость, о нихъ молитъ ВАСЪ ,ГОСУДАРЬ, все русское общество. Мольба эта никогда не произносится громко и въ особенности тиха она теперь, когда условія мирнаго житія съ урядникомъ есть единственное мѣрило чувства къ родинѣ. На житейской аренѣ нѣтъ нигдѣ мѣста проявить свои святыя чувства, свою преданность долгу, свое желаніе не только весь свой трудъ, но и самую жизнь свою, положить на пользу родной земли.Все сведено на почитаніе и на оказаніе содѣйствія акцизному чиновнику. Каждымъ новымъ циркуляромъ Правительство какъ бы говоритъ каждому изъ насъ:,будьте паиньки и слушайтесь нижеслѣдующихъ приказаній, а мнѣнія вашего никто не спрашиваетъ.

Клянусь ВАМЪ, мой обожаемый Монархъ, что дальше жить такъ нельзя, что та рознь, которая установилась между Правительствомъ и обществомъ, доходитъ уже до угрожающихъ предѣловъ, что ядро съ водой черезъ-чуръ ужъ сильно остужено,и что всѣ принимаемыя теперь мѣры еще больше остужаютъ эту воду - и вотъ-вотъ произойдетъ взрывъ.

Прошу вѣрить, что все то ,что сказано здѣсь, не есть легкомысленная критика сторонняго наблюдателя, а лишь вопль наболѣвшей души, вопль, который долго таился, ибо нельзя уже ничего подобнаго говорить даже въ дружеской бесѣдѣ. Милость ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ко мнѣ и моимъ работамъ такъ велика, что я былъ долго въ раздумьи писать ли эти записки. Боязнь потерять ВАШУ высокую нравственную поддержку въ моемъ одиночествѣ при метеорологическихъ изысканіяхъ почти рѣшила задуманное мною писаніе въ отрицательномъ смыслѣ. Съ другой же стороны счастье, выпавшее на мою долю, счастье исключительное быть выслушаннымъ моимъ Повелителемъ, казалось, обязывало меня сказать всю правду, которую чуаствуетъ всякій любящій свою родину и живущій не тамъ, гдѣ-то на верху, а обыденной жизнью, среди людей, составляющихъ не Парнасъ, а Россію. Я никогда въ жизни не вралъ, тѣмъ болѣе не могъ бы покривить душою передъ ТѢМЪ, кто осчастливилъ меня. Предстояло, слѣдовательно, или написать всѣ мои помыслы, безъ всякихъ прикрасъ, или же не писать ничего. Въ этихъ мучительныхъ колебаніяхъ прошли почти двѣ недѣли, что и было причиной запозданія этой записки; наконецъ, внутренній голосъ совѣсти побѣдилъ, онъ говорилъ мнѣ: „если ты честный человѣкъ, то долженъ говорить правду на пользу родины; если ты мелкій плутъ - молчи изъ за корыстныхъ видовъ и будешь презрѣнъ." Я рѣшилъ говорить и говорю:

Прикажи, Государь, мнѣ голову срубить, коли не по сердцу Тебѣ рѣчь моя. Теперь не боюсь я и самой смерти.

Но если бы хоть одна моя мысль была одобрена Вами, Государь, о, какъ я былъ бы счастливъ. Я бы нарисовалъ тогда грандіозную картину будущаго благополучія дорогой моей матери земли; никакихъ красокъ не пожалѣлъ бы я на то, чтобы изобразить ея величавый бюстъ въ роскош-

ныхъ одеждахъ, съ цвѣтущимъ видомъ, окруженной всѣми богатствами страны.....съ преклоненной головой предъ ВЕЛИКИМЪ РЕФОРМАТОРОМЪ - ИМПЕРАТОРОМЪ НИКОЛАЕМЪ II-мъ.

Молю ВАСЪ, мой Повелитель, осчастливьте Россію, утѣшьте ея страданія, дайте вздохнуть задыхающимся вѣрнымъ слугамъ Вашимъ.

Дайте ей, этой красавицѣ, новую жизнь и воздвигните себѣ памятникъ нерукотворный. И это все такъ легко сдѣлать. Стоитъ лишь призвать общество къ жизни, оказать ему довѣріе, и не смотрѣть на него какъ на собраніе крамольниковъ. Поманите только пальцемъ, и все это общество возродится, все оно будетъ завтра у подножія Престола и сложитъ тамъ свои силы, свой трудъ, всю свою жизнь, на укрѣпленіе того кресла, на которомъ сидитъ его Монархъ, его Высшій Идеалъ всего чистаго, возвышеннаго на землѣ. Развѣ есть на землѣ что либо болѣе великое, чѣмъ эта идея. За ней, прямо за ней, слѣдуетъ - Богъ.

Я аппелирую въ эту высшую инстанцію, къ Богу, и молю его о прощеніи за мой дерзновенный поступокъ.

Милостивое разрѣшеніе ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подать Вамъ мою записку о современной жизни Россіи еще далеко до того, чтобы я осмѣлился истолковать его какъ разрѣшеніе говорить о томъ, что же собственно нужно сдѣлать при настоящемъ положеніи вещей, и потому я ставлю тутъ точку. Я считаю эту точку умѣстной еще и потому, главнымъ образомъ, что нахожусь въ полной неизвѣстности, какъ будутъ приняты ВАШИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ настоящія мои мысли.

Вѣрьте, Государь, что съ этого момента, какъ эта записка будетъ въ Вашихъ рукахъ,- я потеряю то, что называется „покойное житіе". Томительная неизвѣстность такого рѣшительнаго въ жизни шага ужасна. А вдругъ я потерялъ все то, что пріобрѣталось упорнымъ трудомъ всей моей жизни, что выпадаетъ въ удѣлъ немногихъ счастливцевъ - Милость своего Государя. Это былъ бы ужасный ударъ. Но, если бы ВАШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ угодно было осчастливить меня дальнѣйшимъ Вашимъ вниманіемъ, - всѣ мои силы, всѣ мои помыслы въ Вашемъ полномъ распоряженіи. Картина будущей Россіи давно уже обрисовалась въ моей головѣ и, какъ мнѣ кажется, картина единственно возможнаго ея благополучнаго существованія. Безъ Вашего милостиваго разрѣшенія я не смѣю ее здѣсь излагать и буду ждать рокового рѣшенія:

„Иль со щитомъ, иль на щитѣ".

6 Ноября 1902 г.

№50654.